УДК 327

Алексей ГРОМЫКО

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА НАЧАЛУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ?

(К 75-летию Великой Победы и создания ООН)

Статья вторая¹

Статья поступила в редакцию 16.09.2020

Аннотация. Статья является продолжением исследования, посвященного стратегическому мышлению «большой тройки» – прежде всего, СССР и США – в годы Второй мировой войны, их вкладу в послевоенное мироустройство с опорой на Организацию Объединенных Наций. Видение союзников новых механизмов глобального управления формировалось параллельными и переплетающимися курсами. В качестве хронологии начала холодной войны автор предлагает использовать отрезок времени с 1945 г. до конца десятилетия вместо указания конкретного срока ее начала. В основе такого подхода – абсолютизация не намерений или отдельных высказываний, событий и действий, а процесс создания структур политико-военного противостояния. Отмечено значение субъективного фактора в переходе государств «большой тройки» от союзничества к конфронтации. Показана роль иранского кризиса, заключавшего в себе ряд предпосылок начала холодной войны, а также борьба мнений в политическом истеблишменте США в отношении наследия «рузвельтовского курса», включая ядерный фактор. Автор делает вывод, что в годы Второй мировой войны великие державы исходили из долговременного подхода к послевоенному мироустройству, а не из конъюнктурных соображений.

Ключевые слова: Вторая мировая война, дипломатия, «большая тройка», ООН, иранский кризис, «рузвельтовский курс», ядерное оружие.

В ходе Второй мировой войны, особенно на заключительном ее этапе, со всей наглядностью сформировался феномен «рузвельтовского курса» и, как следствие, особая атмосфера в отношениях между СССР и США и в меньшей степени Вели-

¹ Громыко Ал.А. Рождение послевоенного мира: планирование и реалии (К 75-летию Великой Победы и создания ООН). Статья первая. Современная Европа. № 5, 2020. С. 19–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520201932>

© **Громыко Алексей Анатольевич** – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620200514>

кобритании. Был выработан стратегический подход дипломатии союзных держав к принципам взаимоотношений после войны. В расчетах сторон ведущую роль стали играть соображения прагматизма и безопасности, нежели борьба антагонистических идеологий. Конференции «большой тройки» приобрели первостепенное значение в формировании основ послевоенной модели международных отношений.

Союзники отнюдь не были настроены на то, чтобы после общей победы в короткий срок скатиться к холодной войне. Об этом говорят многие факты и аргументы, в том числе изложенные ранее и дополненные здесь¹. Представляется, что период в ближайшие после падения гитлеровского Рейха два–три года еще не может считаться временем, когда феномен, именуемый «холодной войной», вполне сложился и стал бесспорным фактом политики. Импульсы сложившегося в годы войны союзничества не исчезли с ее окончанием и ощутимо давали о себе знать еще довольно долго: одним из примеров может служить встреча А.А. Громыко – в то время постпреда СССР при ООН – с представителями крупного бизнеса США, устроенная Нельсоном Рокфеллером в 1947 г. [Громыко, 2015: 157]. К этому времени прошло уже полтора года после речи Черчилля в Фултоне. Однако в элите американского делового мира, как показала эта встреча, по-прежнему сохранялись надежды на возможность взаимовыгодных отношений между Вашингтоном и Москвой.

Важно, что, хотя выступление бывшего британского премьер-министра в марте 1946 г. обычно считается точкой отсчета холодной войны, в действительности же оно было только одним из звеньев в длинной цепи событий, которые лишь к концу 1940-х гг. окончательно перечеркнули союзнические планы СССР и США в отношении друг друга на послевоенный период. Незадолго до Фултона Черчилль в Палате общин британского парламента высказывал «глубочайшую благодарность... благородному русскому народу» и выражал «величайшее восхищение» Сталиным [Никонов, 2016: 232]. Рузвельтовское наследие и в конце 1940-х гг. не почilo в бозе: отчасти оно давало о себе знать и позже – в шестидесятые–семидесятые годы. Тогда, в период разрядки, вновь с обеих сторон появились надежды на возможность полномасштабного восстановления взаимовыгодных отношений между СССР и США, вплоть до завершения между ними холодной войны, на достижение нового качества международных отношений [Громыко, 2019b: 57–68]. В те годы были заключены десятки двусторонних и многосторонних договоров, конвенций и соглашений, в том числе в области ограничения гонки вооружений и разоружения.

В целом представляется проблематичной фиксация начала холодной войны (как, впрочем, и ее окончания) каким-то определенным годом, месяцем или тем более днем. Скорее можно говорить о сумме событий, приведших к противостоянию бывших союзников: грубость Трумэна на встрече с Молотовым и Громыко 23 апреля 1945 г., выступление Сталина 9 февраля 1946 г. перед избирателями в Большом театре, речь Черчилля 6 марта 1946 г. в Фултоне, выступление Трумэна 12 марта 1947 г. перед Конгрессом, речь А.А. Жданова 25 сентября 1947 г. на учредительном совещании Коминформа, принятие летом 1947 г. «плана Маршалла» и другие². В отличие от конкретной даты начала или окончания того или иного воо-

¹ К обсуждению проблематики начала холодной войны автор обращался ранее: [Громыко, 2019a: 109–115; Громыко, 2020: 5–18].

² Например, см.: [Никонов, 2016: 200; Братерский, 2020: 15–29; Маныкин, 2020a: 641].

руженного столкновения, в холодную войну великие державы втягивались постепенно. Более продуктивно обозначать возникновение упомянутой конфронтации отрезком времени с 1945 по 1949 гг. (до основания НАТО, Берлинского кризиса и ответному на западную политику «сдерживания коммунизма» переходу СССР к советизации стран Центрально-Восточной Европы [Айрапетов, 2020: 665]). В основе такого подхода – абсолютизация не намерений или отдельных высказываний, событий и действий, а *процесс создания структур* политико-военного противостояния. Начало этого периода содержит в себе предпосылки возникновения холодной войны, которые с течением времени постепенно приобретали больший вес, нежели возможности по продолжению послевоенного сотрудничества великих держав. К концу 1940-х гг. этот потенциал был исчерпан, и уже не только советско-американское соперничество, но и холодная война между целыми группами стран стала неизбежной¹. Кроме создания структур противостояния, сторонникам конфронтации, особенно в демократических странах, нужно было формировать соответствующий общественный климат, набор стереотипов и клише, создавших впоследствии укорененную проблему глубокого недоверия. Чтобы полностью переформатировать атмосферу союзничества, преобладавшую в 1945 г., требовалось немало времени.

Существовали свои объективные и субъективные причины, равно и для того, чтобы наступила холодная война, и для того, чтобы союзнические отношения Востока и Запада продолжали сохраняться после Второй мировой. История стала развиваться по негативному сценарию. Однако это не означает, что события не могли бы протекать в ином русле. Какая именно реальность возьмет верх, зависело от неустойчивого баланса многочисленных факторов, включая дипломатический и личный. Многие решения конференций «большой тройки» после завершения войны еще долго продолжали исполняться и приносить пользу. Так Совет министров иностранных дел, созданный на Потсдамской конференции, работал вплоть до 1949 г., хотя в основном уже в напряженной атмосфере. Что касается роли личности, то, если бы Рузвельт прожил дольше, вполне вероятно, не было бы бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, а Комиссия по атомной энергии, созданная в рамках ООН в 1946 г., могла бы прийти к соглашению об ее использовании исключительно в мирных целях, что предлагал СССР, или к соглашению, если не о запрете, то по крайней мере о неприменении ядерного оружия. Причем с такими инициативами Москва выступила в условиях, когда производство собственной атомной бомбы оставалось лишь вопросом времени. Работа над ее созданием активно началась в СССР еще в 1940 г., в Рейхе же и в США – годом ранее [Никонов, 2016: 143]. Поэтому реализация таких предложений фактически связывала бы военные возможности обеих сторон.

Другая развилка – если на президентских выборах 1944 г. Рузвельту не пришлось бы сменить вице-президента Г. Уоллеса на Г. Трумэна, то первый стал бы новым хозяином Белого дома после смерти Рузвельта в апреле 1945 г. Пребывание его в этой должности до следующих выборов в 1948 г., могло бы значительно изменить ход послевоенных событий, в том числе в атомной сфере. Это было вполне

¹ Представляется, что развертывание после Второй мировой войны соперничества СССР и США еще не вело с неизбежностью к войне холодной. Это соперничество должно было обрести наиболее острые и глобальные формы для рождения феномена холодной войны. Также см.: [Манькин, 2020b: 835–843].

возможно при наличии достаточной политической воли. Тем более в тот период уже активно развивалось противодействие атомному оружию со стороны ученых с мировым именем, включая Альберта Эйнштейна, Лео Сциларда, Эрнеста Орландо Лоуренса, а позже Роберта Оппенгеймера, Фредерика Жолио-Кюри и др. Вместе с Уоллесом у руководства страны, очевидно, остался бы и ведущий американский теоретик по внешнеполитическим вопросам Ганс Моргентау, который в октябре 1946 г. говорил В.М. Молотову о необходимости объявить атомное оружие вне закона [Никонов, 2016: 260]. Знаковая фигура британской дипломатии – Антони Иден – уже после войны высказывал мнение, что Рузвельт не допустил бы раскола в отношениях союзников [Юнглблуд, 2015: 27].

В ближайшем окружении Трумэна были скептики в отношении оценки последствий ядерной монополии США для сохранения союзнических отношений с СССР. К ним относились, например, Г. Стимсон, который после смерти Рузвельта пробыл на посту военного министра до сентября 1945 г., и Д. Лиlientаль, председатель Комиссии по атомной энергии США. Однако их видение атомной проблемы было похоронено «планом Баруха» [Громыко, 2015: 382–388; Магадеев, 2020: 824]. К скептикам изначально относился даже Д. Ачесон, впоследствии ставший государственным секретарем. Приход в Белый дом нового хозяина, а значит и другой части политического истеблишмента США, не только не был предопределен, но во многом Трумэн действительно оказался случайным президентом, к которому негативно относились многие фигуры американской политической элиты, включая Г. Икеса [Манькин, 2020а: 647; Никонов, 2016: 199].

Представляется не отражающей действительности и распространенная точка зрения на иранскую проблему как на спусковой крючок холодной войны, потому что пока речь шла только о ее предпосылках¹. Советские войска, как и британские, находились в этой стране по договору, заключенному с Тегераном в январе 1942 г. В соответствии с ним Москва и Лондон обязались вывести свои войска с территории Ирана через шесть месяцев после окончания войны. После капитуляции Японии и с окончанием боевых действий на Дальнем Востоке, то есть со 2 сентября 1945 г., пошел отсчет установленному сторонами времени. Этот срок руководство СССР использовало для получения нефтяной концессии на севере Ирана, что было обосновано и с геополитической точки зрения (Британия уже располагала концессиями на юге Ирана), и с экономической. В ходе последовавших перипетий, в том числе во время работы 1-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, Москва пошла на уступки в отношении военного присутствия англичан в Греции и Индонезии, рассчитывая на взаимность в Иране. О последующем разочаровании Москвы говорили позже западным дипломатам и Вышинский, и Сталин [Гайдук, 2012: 87].

Кроме того, Франция и Британия при поддержке США и их союзников, несмотря на протесты СССР, пытались провести через Совет Безопасности (СБ) резолюцию, не предусматривавшую каких-либо временных ограничений на пребывание английских и французских войск в Сирии и Ливане. Последние две страны, как и Иран в споре с СССР, подали жалобу в ООН на Париж и Лондон. Вышинскому пришлось наложить на проект резолюции вето, – первое в истории всемирной организации! Позже деструктивная позиция США и Британии по иранскому вопросу

¹ В подтверждение, например, см.: [Егорова, 2015: 344–356].

вынудила советского постпреда А.А. Громыко покинуть заседание Совета Безопасности, – демарш, также ставший прецедентом в своем роде. Впоследствии колониальная проблематика и связанные с ней вопросы международной опеки неоднократно становились яблоком раздора Москвы в первую очередь с Лондоном и Парижем.

Приход к власти в Британии правительства лейбористов в августе 1945 г. особо не изменил к лучшему эту ситуацию, о чем свидетельствовал и иранский кризис. Для настроений в правящих кругах Соединенного Королевства характерен следующий эпизод. В ноябре 1946 г., в период работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, В.М. Молотов дал обед в честь английской делегации в отеле «Уолдорф-Астория». Под конец этого торжества глава Форин-офис Эрнест Бевин, не замечая стоявшего неподалеку советского посла Н.В. Новикова, бросил кому-то: «Дались этим русским наши колонии!.. Впрочем, пусть себе болтают о них. А мы тем временем будем владеть ими» [Новиков, 1989: 367]. И это говорил один из ключевых членов правительства, которое по меркам того времени считалось прогрессивным.

Возвращаясь к весне 1946 г., необходимо отметить, что, несмотря на негативный фон, СССР удалось на тот момент отстоять свои позиции: после объявления о выводе советских войск из северного Ирана (завершен в начале мая 1946 г.), Москва и Тегеран в апреле заключили соглашение о создании смешанного советско-иранского нефтяного общества. Что еще более важно – ни Сталин, ни Трумэн, согласно имеющимся документам, не были тогда настроены на дальнейшие действия по развалу отношений. Заслуживает внимания и тот факт, что оба находились между собой в переписке по вопросу о встрече на высшем уровне вплоть до февраля 1949 г.

Также важно, что в ходе иранского кризиса (как и в другие сложные моменты дипломатических баталий) СССР старался добиться от западных членов Совета Безопасности взаимовыгодного урегулирования на закрытых переговорах, не вынося их в сферу публичных дискуссий и препирательств. Речь шла не о гегемонистских планах Кремля, а об участии в конкурентной борьбе великих держав на Ближнем и Среднем Востоке и о растущем факторе энергоресурсов в мировой политике. Вашингтон же и его ближайшие союзники сделали иной выбор, впервые отказавшись от поиска компромисса с Москвой по крупному вопросу и сделав ставку на одностороннее решение проблемы на основе контроля над большинством голосов в СБ и Генеральной Ассамблее. В последующие периоды истории, когда конфронтационные настроения брали верх, бывшие союзники СССР неоднократно прибегали к такому методу, дискредитирующему работу СБ. Наглядным подтверждением этого могут служить примеры последних лет, когда на официальное обсуждение СБ выносились – в основном Вашингтоном – несогласованные проекты резолюций, несмотря на то что заведомо было известно – Россия (или Китай) наложит вето.

Современники лидеров «большой тройки» свидетельствовали о тех или иных проблемах, сопутствующих прогрессивному внешнеполитическому курсу Рузвельта во время Второй мировой. В историографии той эпохи не только 1945-й, но даже и 1944 г. нередко считается временем, в котором следует искать истоки холодной войны [Синдеев, 2020: 158–169]. Предоставим же высказаться самим современникам. «Постепенный распад насущно необходимого единства “большой тройки” начался фактически еще до окончания войны», – писал в книге «Его глазами» Эллиот Рузвельт, сын президента [Рузвельт, 1947]. В доказательство он приводит целый ряд эпизодов. Показательна следующая цитата: «За три месяца до полного разгрома

нацистов министры иностранных дел и военные министры “большой тройки” стали рассылать в Лондон, Вашингтон и Москву различные меморандумы с проектами условий капитуляции. После некоторых споров было достигнуто окончательное соглашение по этому вопросу. Один экземпляр документа был направлен из Москвы маршалу Жукову. Но генерал Эйзенхауэр в штабе экспедиционных сил союзников не получил этого документа ни из Лондона, ни из Вашингтона. Больше того, условия капитуляции, которые он предъявил, были составлены его начальником штаба генералом Бидлом Смитом по той простой причине, что Эйзенхауэр даже не знал о существовании упомянутого документа. Приходится ли после этого удивляться тому, что Советский Союз был раздражен?». Еще один пример – откровенность Гарри Гопкинса, который незадолго до окончания войны признавал в доверительной беседе: «Вы, может быть, не поверите, но никто в Вашингтоне не думает, как поступить с вооруженными силами и вооружениями, который оставит война в наследство человечеству» [Громыко, 2015: 420].

С другой стороны, факт издания в США книги Э. Рузвельта – причем уже после фултонской речи! – говорит о том, что в Америке в послевоенные годы предпринимались попытки на базе наследия Рузвельта остановить сползание отношений с СССР к конфронтации. Относилось это и к выступлению Черчилля, которое далеко не у всех в США нашло понимание. Среди его критиков был Аверелл Гарриман – одна из наиболее значительных фигур в окружении Рузвельта, посол США в Москве в 1943–1946 гг. Он и позже занимал высокие посты: министр торговли, заместитель государственного секретаря при Джоне Кеннеди. Гарриман внес большой вклад в заключение в 1963 г. Договора о запрещении испытания ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Критически относился он к «закручиванию гаек» в отношении «Советов» в период администрации Эйзенхауэра, о чем писал в своей книге, посвященной отношениям США и России [Harriman, 1971]. Отчаянные, в том числе публичные, попытки предотвратить губительные с его точки зрения изменения во внешней политике США предпринимал летом и осенью 1946 г. Г. Уоллес, еще занимавший пост министра торговли [Новиков, 1989: 355–358].

Несмотря на имеющиеся возможности дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества бывших союзников, они во второй половине 1940-х гг. пошли по пути формирования консенсуса холодной войны. В конфиденциальной беседе в 1946 г. Эдлай Стивенсон, представитель США в специальной комиссии ООН по вопросам разоружения, говорил: «Крупный бизнес США свое существование без производства оружия не мыслит. Никто всерьез в Вашингтоне идеи разоружения не принимает», – и на вопрос, какой же курс в этом вопросе США считают правильным, отвечал: «Контролируемое вооружение» (именно «вооружение»! – авт.) [Громыко, 2015: 377]. Даже с учетом такой реальности в последующие годы и десятилетия не раз возникали шансы миротворчества, зависящие от фактора личности. Так, в сентябре 1963 г. государственный секретарь США Дин Раск в другой конфиденциальной беседе сообщал, что президент Джон Кеннеди «обдумывает возможность сокращения численности американских войск в Западной Европе» [Громыко, 2015: 379]. Однако в ноябре президент был убит. Размышления Кеннеди были созвучны мыслям его великого предшественника Ф. Рузвельта, который в феврале 1945 г. в Ялте делился с Черчиллем сомнениями, смогут ли США «держать в Европе большую армию более чем в течение двух лет после окончания войны» [Никонов, 2016: 187].

Незадолго до того – 10 июня 1963 г. – Кеннеди выступил со знаковой речью в Американском университете в Вашингтоне, в которой, как когда-то Эйзенхауэр, выразил опасения по поводу влияния военно-промышленного комплекса. В своем выступлении он, отдав должное роли Советского Союза во Второй мировой войне, заявил о необходимости широкого взаимопонимания между США и СССР, о стремлении США к прекращению гонки вооружений, о том, что долгосрочной целью на переговорах в Женеве является всеобщее и полное разоружение¹. Именно Кеннеди впервые признал в ходе советско-американской встречи в верхах в июне 1960 г., что «силы США и СССР равны» [Громыко, 2015: 519]. Во многом взгляды американского президента на международные отношения сложились под влиянием «рузвельтовского курса», и это не удивительно – его отец был другом Рузвельта, и еще в военные годы Кеннеди был вхож в Белый дом. В качестве совсем молодого, но уже известного корреспондента он принимал участие в конференции в Сан-Франциско, профессионально разбирался в ооновской проблематике.

* * *

Высказанные соображения и факты дают основание полагать, что в годы Второй мировой войны великие державы выстраивали свои отношения исходя не из конъюнктурных сиюминутных выгод, а руководствуясь долговременными интересами. И это касалось не только военного времени, но и планов на мирное будущее. Существовали как объективные, так и субъективные условия для того, чтобы СССР и США сохранили союзнические отношения и после 1945 г. в русле «рузвельтовского курса» и «духа Эльбы». Значительная часть, если не большинство, ключевых фигур политического класса Америки в период президентства Ф. Рузвельта была серьезно настроена на продолжение партнерства с «Советами» в мирное время. Ведущие персонажи той эпохи отнюдь не считали, что союзничество военного времени обречено быть аннулировано после Победы. Показательно мнение Гарри Гопкинса, одного из наиболее осведомленных людей в США. В июле 1945 г. он не только высказывался за поддержание дружеских отношений с СССР, но также считал, что против этого в Америке выступает лишь «крошечное, кликушествоующее меньшинство», представители которого «посчитают за благо, если увидят, что наша американская армия пройдет сквозь Германию и начнет сражаться с Россией после того, как Германия капитулирует» [Мальков, 2015: 140–141].

Со своей стороны руководство СССР формировало собственные взгляды на последующее мироустройство в основном на основе прагматичных соображений безопасности и выгоды от партнерства, нежели на основе идеологических и имманентно конфронтационных установок. Москва сделала многое и неоднократно шла на компромиссы, считая необходимым и после войны самое активное вовлечение США в мировые дела в качестве своего основного визави на международной арене.

Стратегическое видение Москвы, Вашингтона и Лондона на мир после войны формировалось в целом параллельными и переплетающимися курсами. Все три державы, в первую очередь Советский Союз и Соединенные Штаты Америки, внесли

¹ President Kennedy's peace speech at American University (June 10, 1963). URL: https://youtu.be/apTA_9wbJow (дата обращения: 20.11.2020)

решающий вклад в закладку фундамента послевоенного мира и в создание Организации Объединенных Наций. Будет исторически верным утверждать, что эту организацию не постигла судьба Лиги Наций именно благодаря СССР, политики и дипломаты которого, преодолев неимоверные трудности, смогли отстоять принцип единогласия при принятии решений постоянными членами Совета Безопасности. Для послевоенного мира и вплоть до наших дней этот принцип имеет непреходящее значение¹.

То, что в период после 1945 г. возобладала враждебность, не было запрограммированным и неизбежным процессом. Доказательством этого служит хотя бы тот неопровержимый факт, что и Москва, и Вашингтон, и Лондон в годы Второй мировой войны сознательно, планомерно и совместно работали над созданием всемирной организации по поддержанию мира, призванной предотвратить новое мировое кровопролитие. Изначально вероятность холодной войны была едва ли выше, чем вероятность сохранения прагматичных отношений между великими державами на значительную перспективу. Вина за упущенные возможности по ее претворению в жизнь лежит на всех членах «большой тройки», хотя и в разной мере. Обстоятельства, сделавшие холодную войну реальностью, обрели непреодолимую силу к концу 1940-х гг. Но и до, и после этого ООН – главное детище стратегического мышления союзников – сыграла исключительную роль в смягчении, урегулировании или недопущении многочисленных кризисов как регионального, так и глобального масштаба, включая Карибский.

В борьбе за скорейшее окончание Второй мировой войны и за конструктивное и взаимовыгодное сотрудничество после победы выдающуюся роль сыграли советские дипломаты и эксперты. В эпицентре генерации идей по построению прочного мира находились В.М. Молотов, М.М. Литвинов, А.А. Громыко, И.М. Майский, А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский, Д.З. Мануильский, А.А. Соболев, Б.Е. Штейн, Я.З. Суриц, В.Н. Павлов, Е.В. Тарле, Ф.Т. Гусев, Н.В. Новиков, Я.А. Малик, К.В. Новиков, В.А. Зорин, Д.З. Мануильский, К.В. Киселев и многие другие.

Холодная война не стала точкой невозврата, навсегда похоронившей планы устойчивого и уважительного партнерства «великого альянса». Об этом свидетельствуют масштабные усилия бывших союзников по выходу из пике холодной войны, предпринятые в 1960–1970-е гг., а затем с новой силой в следующее десятилетие. Период разрядки заключал в себе предпосылки не только временного снижения напряженности, но и возможности вырваться из «заливочной формы» жесткого противостояния. Этим планам не удалось сбыться в силу просчетов обеих сторон биполярного мира.

История свидетельствует, что объективные и субъективные обстоятельства для отношений, обремененных соперничеством, но лишенных враждебности, и даже для союзнического взаимодействия существовали и в годы Второй мировой войны, и после нее. В той же мере это справедливо для оценки возможностей сотрудничества России, США, ЕС, Китая, других центров силы в XXI веке.

Список литературы

Айрапетов А.Г. (2020) Утверждение советского влияния в Восточной Европе. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. Издательство Московского университета, Москва.

¹ Также см.: [Орлов, 2020: 103–115].

- Братерский М.В. (2020) Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века. *Актуальные проблемы Европы*, № 1. С. 15–29.
- Гайдук И.В. (2012) В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. ИВИ РАН, Москва.
- Громыко А.А. (2015) Памятное. Новые горизонты. Центрополиграф, Москва.
- Громыко Ал.А. (2019а) Могла ли холодная война закончиться раньше. Постановка вопроса. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63, № 10. С. 109–115.
- Громыко Ал.А. (2019б) Опыт преодоления «холодной войны» (к 110-летию А.А. Громыко). *Новая и Новейшая история*, № 5. С. 57–68.
- Громыко Ал.А. (2020) Рождение послевоенного мира: планы и реалии. *Современная Европа*, № 5. С. 19–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520201932>
- Егорова Н.И. (2015) Влияние иранского кризиса 1945–1946 гг. на становление Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. Киров. С. 344–356.
- Магадеев И.Э. (2020) В поисках новой модели безопасности. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. Издательство Московского университета, Москва.
- Мальков В.Л. (2015) Завещание Гарри Гопкинса. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. С. 140–141.
- Манькин А.С. (2020а) Обострение американо-советских противоречий в ходе послевоенного урегулирования в Европе и становления «конфликтного взаимодействия». В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. Издательство Московского университета, Москва. С. 641.
- Манькин А.С. (2020б) Заключение. В кн.: Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру. Издательство Московского университета, Москва. С. 835–843.
- Никонов В.А. (2016) Молотов: Наше дело правое. В 2 кн. Кн. 2. Молодая гвардия, Москва.
- Новиков Н.В. (1989) Воспоминания дипломата. Политиздат, Москва. С. 329–336. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_nv2/28.html (дата обращения: 12.08.2020).
- Орлов А.А. (2020) Право вето постоянных членов Совета Безопасности как фундаментальная основа ООН. *Обозреватель*, № 5. С. 103–115.
- Рузвельт Эллиот. Его глазами. Издательство «Иностранная литература», 1947 г. URL: https://bookscafe.net/read/elliott_ruzvelt-ego_glazami-56730.html#p75 (дата посещения: 13.08.2020).
- Синдеев А.А. (2020) Дипломатический фронт Великой Отечественной войны. *Современная Европа*, № 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020158169>.
- Юнгблуд В.Т. (2015) 1945 год и современный мир. В кн.: 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. Киров. С. 27.
- Harriman W.A. (1971) America and Russian in a Changing World. A Half Century of Personal Observation. New York: Doubleday and Company, Inc.

References

- Ajrapetov A.G. (2020) Utverzhdenie sovetskogo vliyaniya v Vostochnoj Evrope. V kn.: Vtoraya mirovaya vojna i transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow.
- Braterskij M.V. (2020) Istoki novoj holodnoj vojny: osnovnye cherty sistemnogo konflikta XXI veka. *Aktual'nye problemy Evropy*, № 1, pp. 15–29.
- Gajduk I.V. (2012) V labirintah holodnoj vojny: SSSR i SSHA v OON, 1945–1965 gg. IVI RAN, Moscow.
- Gromyko A.A. (2015) Pamyatnoe. Novye gorizonty. Centropoligraf, Moscow.
- Gromyko Al.A. (2019a) Mogla li holodnaya vojna zakonchit'sya ran'she. Postanovka voprosa. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 63, № 10. pp. 109–115.
- Gromyko Al.A. (2019b) Opyt preodoleniya «holodnoj vojny» (k 110-letiyu A.A. Gromyko). *Novaya i Novejshaya istoriya*, № 5, pp. 57–68.
- Gromyko Al.A. (2020) Rozhdenie poslevoennogo mira: plany i realii. *Sovremennaya Evropa*, № 5, pp. 19–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520201932>

- Egorova N.I. (2015) *Vliyanie iranskogo krizisa 1945–1946 gg. na stanovlenie YAltinsko-Potsdamskoj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij*. V kn.: 1945 god: formirovanie osnov poslevoennogo miroustrojstva. Kirov, pp. 344–356.
- Harriman W.A. (1971) *America and Russian in a Changing World. A Half Century of Personal Observation*. New York: Doubleday and Company, Inc.
- Magadeev I.E. (2020) *V poiskah novoj modeli bezopasnosti*. V kn.: Vtoraya mirovaya vojna i transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow.
- Mal'kov V.L. (2015) *Zaveshchanie Garri Gopkinsa*. V kn.: 1945 god: formirovanie osnov poslevoennogo miroustrojstva, pp. 140–141.
- Manykin A.S. (2020a) *Obostrenie amerikano-sovetskih protivorechij v hode poslevoennogo uregulirovaniya v Evrope i stanovleniya «konfliktного vzaimodejstviya»*. V kn.: Vtoraya mirovaya vojna i transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, p. 641.
- Manykin A.S. (2020b) *Zaklyuchenie*. V kn.: Vtoraya mirovaya vojna i transformaciya mezhdunarodnyh otnoshenij: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, pp. 835–843.
- Nikonov V.A. (2016) *Molotov: Nashe delo pravoe*. V 2 kn. Kn. 2. Molodaya gvardiya, Moscow.
- Novikov N.V. (1989) *Vospominaniya diplomata*. Politizdat, Moscow, pp. 329–336. http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_nv2/28.html (accessed: 12.08.2020).
- Orlov A.A. (2020) *Pravo veto postoyannyh chlenov Soveta Bezopasnosti kak fundamental'naya osnova OON. Obozrevatel'*, № 5, pp. 103–115.
- Ruzvelt' Elliot. *Ego glazami*. Izdatel'stvo «Inostrannaya literatura», 1947 g. https://bookscafe.net/read/elliott_ruzvelt-ego_glazami-56730.html#p75 (accessed: 13.08.2020).
- Sindeev A.A. (2020) *Diplomaticheskij front Velikoj Otechestvennoj vojny. Sovremennaya Evropa*, № 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020158169>
- Yunglblyud V.T. (2015) *1945 god i sovremennyy mir*. V kn.: 1945 god: formirovanie osnov poslevoennogo miroustrojstva. Kirov, p. 27.

**Was the Alternative to the Cold War Possible?
(To 75 anniversary of Great Victory and the creation of the UN).
Article two**

Received 16.09.2020

Author: Gromyko A.L., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (RAS). **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The article continues the research of the “big three” strategic thinking, especially the USSR and the USA, during the Second World War, their contribution to the post-war settlement with the United Nations as a key element. Their approaches to new mechanisms of global governance were developing on parallel and overlapping courses. On the chronology of the Cold War, the author proposes to define its start as an extended period from 1945 until the end of the decade. This methodology avoids absolutization of intentions, separate events and statements. Instead it imbeds them in the process of political-military structures’ construction, designed for regional and global confrontation. The attention is paid to the role of the subjective factor in transition of the “big three” from cooperation to the Cold War. The meaning of the Iranian crisis is demonstrated as an additional source of the Cold War’s premises. The author reveals the milieu of conflicting views in the US political establishment on the legacy of the “Roosevelt course” including the nuclear factor. The conclusion is drawn that in the years of the Second World War great powers pursued long-term policy towards the post-war settlement putting aside political conjuncture.

Key words: Second World War, diplomacy, “big three”, the UN, Iranian crisis, Roosevelt course, nuclear weapons.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620200514>